В семантическом аспекте отрицательные генитивные предложения можно разделить на следующие группы:

– предложения, выражающие значение состояния окружающей среды:

***Дня** уже **не было**! Солнце осталось только затем, чтобы можно было увидеть и вобрать завод и на земле под ним того, кто упал* (С. Сергеев-Ценский); ***Ни ночи** уже, **ни утра** еще **не было**: было просто лилово все кругом – торжественно, тихо и молилось* (С. Сергеев-Ценский);

– предложения, выражающие физическое состояние живого существа:

*Врет он! Никакого у меня **малокровия нет**!.. Ишь ты, выдумал что: малокровие!* (С. Сергеев-Ценский);

– предложения, выражающие психическое, эмоциональное состояние человека:

*Вы знаете…или, может быть, вы не знаете – я не могу как следует писать – все равно: сейчас вы знаете, что без вас у меня **не будет ни одного дня, ни одного утра, ни одной весны*** (Е. Замятин);

– предложения, выражающие безлично-модальную семантику:

*Во-первых, на очень большом совещании чуть ли не министр чуть ли не просвещения посетовал, что у нас **недостаточно** еще молодых, энергичных **директоров** школ* (Ю. Поляков).

Необходимо отметить, что семантика безличности наиболее ярко выражена в предложениях с реально выраженным субъектом. При этом формированию семантики состояния способствует «признаковость» генитивного компонента, а формированию модальной семантики – его «процессуальность», но такое идеальное лексическое наполнение конструкции встречается крайне редко. В большинстве случаев абсентивная семантика обусловливает безличную семантику, которая раскрывается в полной мере лишь в широком контексте генитивной конструкции.

Таким образом, отрицательная генитивная конструкция выделяется среди безличных предложений русского языка своей специфической структурой, семантикой и функционированием.

Литература

1. *Арутюнова, Н.Д.* Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М., 2003.

2. *Бабайцева, В.В.* Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. – М., 1987.

3. *Павлов, В.М.* Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке / В.М. Павлов. – СПб., 1998.

4. *Пешковский, А.М.* Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 2001.

УДК 81

***А.П. Лосева***

*Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Л.А. Сергиевская*

## ПРАГМАТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ АВТОРСКОЙ СКРОМНОСТИ

Данная статья посвящена анализу причин употребления в речи форм авторской скромности, направленной на повышение результативности и позитивности коммуникативного акта.

Речевая скромность, прагматические мотивы, адресант, адресат, иллокуция, перлокуция, коммуникация, этика.

This article is devoted to the analysis of pragmatical motives of using the forms of the author's modesty in speech aimed at improving efficiency and positivity of the communicative act.

Speech modesty, pragmatical motives, sender, addressee, illocution, perlocution, communication, ethics.

Основным прагматическим мотивом для речевой скромности является стремление к эффективности общения. Под эффективностью общения мы понимаем оптимальный способ достижения поставленных коммуникативных целей. Соблюдение принципов авторской скромности при разных позициях собеседников по отношению друг к другу и в различных ситуациях общения рассматривается как неотъемлемый компонент речевого этикета и этический аспект культуры речи, напрямую влияющий на эффективность межличностного взаимодействия.

Культура речи содержит в себе три компонента:

– коммуникативный;

– нормативный;

– этический.

Основа коммуникативного компонента (аспекта) культуры речи – умение отбирать и употреблять языковые средства в процессе речевого общения.

Нормативный аспект предполагает, прежде всего, правильность речи, т.е. соблюдение норм литературного языка. Языковая норма – это центральное понятие речевой культуры.

Этический компонент культуры речи связан с умением использовать правила языкового поведения в конкретных ситуациях межличностной коммуникации.

За эффективность общения отвечает в первую очередь коммуникативный компонент культуры речи, но это не означает, что нормативный и этический аспекты незначимы для эффективности речевого

взаимодействия. Нарушение нормативности может привести просто к непониманию, если, например, вместо нормативного общеизвестного употребляется какое-нибудь малоизвестное диалектное или жаргонное слово, но чаще в этом случае эффективность снижается по иной, скорее прагматико-психологической, чем собственно лингвистической, причине: ненормативное употребление выдает недостаточную образованность говорящего и побуждает слушающего соответственным образом относиться к сказанному.

Яркий пример тому: авторитет многих российских политиков и депутатов серьезно пострадал именно от того, что они обнаружили слабое владение нормами употребления этикетных форм авторской скромности в русской речи. Наиболее показательной в этом отношении является речь В.С. Черномырдина: «*А кто попытается мешать – о них знаем мы в лицо! Правда, там не назовёшь это лицом!*»; «*У нас ведь беда не в том, чтобы объединиться, а в том, кто главный*»; «*Так тут уж нельзя так перпендикулярно понимать: мы Вас не тронем, Вы нас не трожьте*» (о миротворческих предложениях Примакова); «*Мы продолжаем то, что мы уже много наделали...*» и пр.

Аналогичным образом сказывается на эффективности коммуникации и нарушение этических норм общения: «монолог» адресанта на тему «моё “я” и его потребности» в обход интересов адресата, неэтичное обращение к собеседнику, употребление так называемой нецензурной лексики и т.п. может вообще прервать общение по причине, которая в быту формулируется так: «*С этим хамом (эгоистом, зазнайкой и т.д.) я вообще не хочу говорить*». Иллюстрацией подобного речевого поведения являются выступления В.В. Жириновского и его высказывания в адрес коллег по Думе: «*Я чисто говорю нормы русского языка*»; «*Я самый бедный депутат в России*»; «*Я говорю свою позицию, я критикую Кремль с другой стороны*»; «*Женщина должна сидеть дома, плакать, штопать и готовить*»; «*В парламенте много выдающихся женщин: Хакамада, Панфилова, Старовойтова... Они сильные, находятся в хорошем возрасте, и, если бы забеременели до марта, это было бы лучшим подарком Думе. А то сидят без дела...*»; «*Диктатура – это запор. Демократия – понос. Выбирайте, что вам больше нравится!*» и т.д.

К числу важнейших прагматических характеристик коммуникативного компонента культуры речи, если попытаться обобщить опыт исследований в этой области, следует отнести:

1) соответствие цели коммуникации адресанта и ожиданий от нее (коммуникации) адресата;

2) точное понимание речевых характеристик отправителя и получателя речи в данной ситуации;

3) учет частных прагматических характеристик участников коммуникативного акта.

Плодотворность подхода к грамматике с позиций теории речевого воздействия [8] очевидна, так как позволяет анализировать фактический материал поиному, чем это делалось в традиционной, функциональной или стилистической грамматиках, т.е. выявлять и освещать те стороны грамматических явлений, которые оставались до сих пор в тени. Направление исследований, изучающее грамматические явления с точки зрения того коммуникативно-прагматического эффекта, который может быть связан с их употреблением, получило название коммуникативно-прагматической грамматики [4]. Ее можно рассматривать как закономерный результат синтагматических исследований. Заостряя свое внимание на словесном взаимодействии адресанта и адресата, такая грамматика раскрывает «поведение» грамматической формы в речи с точки зрения ее коммуникативно-прагматической «чувствительности». «Будучи средством общения, язык не может не отразить и в своей основе, в своем грамматическом строе, важнейшие предпосылки и условия самого конкретного процесса общения» [7, с. 15].

Широкое развитие лингвопрагматических исследований, в том числе и в рамках теории речевых актов, позволило выявить ряд факторов, имеющих непосредственное отношение к коммуникативному аспекту культуры речи. Общение может быть эффективным только в том случае, если иллокуция («реализация коммуникативного намерения» [5, с. 23] говорящего) соответствует перлокуции (т.е. воздействию, которое данное высказывание оказывает на собеседника, при этом имеется в виду «не сам факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения в состоянии или поведении адресата, которые являются результатом этого понимания» [1, с. 247]): адресант спрашивает – адресат может и хочет ответить; адресант информирует – адресат нуждается в информации и усваивает ее и т.п. Если же гармония иллокуции и перлокуции нарушена, эффективность коммуникации может понизиться и дойти до нуля: «*меня информируют, но мне эта информация не нужна, и я просто не буду слушать это*».

Ситуация общения как важный прагматический фактор определяет выбор одной из тех присущих участнику коммуникации ролей, которую он должен исполнить в данной ситуации, например: отец в общении со своим ребенком, руководитель производственного подразделения в общении с подчиненными, покупатель в общении с продавцом и т.д.

Один из создателей теории речевых актов, Дж.Р. Серль, при классификации последних выделяет такой параметр: «различия в статусе или положении говорящего и слушающего в той мере, в какой это связано с иллокутивной силой высказывания» [6]. Этот параметр поясняется следующим примером: «Если генерал просит рядового убраться в комнате, – это, конечно, команда или приказ. Если же рядовой просит генерала убраться в комнате, то это может быть советом, предложением или просьбой, но не приказом или командой» [6, с. 170].

Не менее важно учитывать роли адресанта и адресата и при создании текста. Яркий негативный пример в этом плане дает современная российская парламентская деятельность: в парламенте от депутата ждут деловых аргументированных выступлений, взамен же их часто звучат публицистические речи в наиболее одиозном митинговом исполнении с акцентированием на своем «я». Например: «*Я объявляю*

*это реальностью. Я не говорю о том, чтобы так было!*», «*За меня – за православного – не голосуют! Я единственный православный, а за меня не голосуют!*» (В. Жириновский); «*Я пришёл, чтобы вы победили. Почему я решил, что буду хорошим президентом? Потому что быть плохим не стоит. Прятать нужно мусор, а не голоса. Выборы должны быть прозрачными. Говори правду! Каждому Некляев ответит на всё!*» (В. Некляев, кандидат в президенты Белоруссии).

Всякое отклонение от ожидаемой в данной коммуникативной ситуации роли снижает эффективность общения.

Проявление скромности как этического компонента речевого этикета предполагает решение двух разных по своей сути задач:

1) кодификация в качестве нормативных способов выражения, в том числе и формул, модальных целей общения (сообщение, приказ, просьба, вопрос и т.п.), включая и способы обращения друг к другу участников коммуникации;

2) определение нормативности заимствований литературного языка из разного рода жаргонов и арго, которые уже были определены вслед за академиком Д.С. Лихачевым как средства «примитивного общения, в которых содержится множество таких компонентов, которые оцениваются как неэтические» [3, с. 311].

Рассмотрим подробнее каждую из задач.

Этика общения не случайно в качестве основной задачи включает кодификацию способов выражения модальных смыслов, поскольку модальный смысл – это проявления «я» участников коммуникации, и в зависимости от того, как выражается это «я», зависит то, какие взаимоотношения устанавливаются между адресатом и адресантом: дружеские или официальные, уважительные или нет и т.д. Только в том случае, если этика отношений соответствует представлениям о ней участников общения, а эти представления формируются общими этическими установками общества, – общение может быть эффективным.

Когда Г.П. Грайс разрабатывал свои коммуникативные постулаты, то отдавал себе полный отчет в том, что «существуют постулаты и иной природы (эстетические, социальные или моральные – такие, как, например, «*Будь скромен…*», «*Будь вежлив…*» и пр.) [2, с. 225 – 226].

Таким образом, прагматические мотивы для речевой скромности заключаются в следующих факторах:

1) в создании общего благоприятного фона конкретной речевой ситуации;

2) в расположении адресата к личности адресанта (данная позиция содержит в себе установление и поддержание контакта, выражение уважения собеседнику, психологические «поглаживания»: похвалу, комплимент, преуменьшение или отрицание собственных заслуг, проявление интереса к коммуникативному партнеру: «*Как самочувствие?*», «*Как дела?*», «*Как настроение?*», «*Как муж/дети?*», «*В отпуск не собираешься?*» и др.);

3) в достижении говорящим иллокутивной и перлокутивной целей в зависимости от интенций отправителя речи.

Литература

1. *Булыгина, Т.В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М., 1997.

2. *Грайс, Г.* Логика и речевое общение / Герберт Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – С. 225 – 226.

3. *Лихачев, Д.С.* Арготические слова профессиональной речи / Д.С. Лихачев // Развитие грамматики и лексики русского языка. – М., 1964. – С. 311.

4. *Москальская, О.И.* Актуальные проблемы грамматики текста / О.И. Москальская // Иностранные языки в школе. – 1982. – № 2. – С. 3 – 10.

5. *Падучева, Е.В*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью / Е.В. Падучева. – М., 1985.

6. *Серль, Д.* Классификация иллокутивных актов / Джон Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170 – 194.

7. *Admoni, W.* Der deutsche Sprachbau / Watt Admoni. – M., 1986. – C. 15.

8. *Dreyer, S.* Lehrbuch und Übungsbuch der deutschen Grammatik / Schmidt Dreyer. – Max Hueber Verlag, 2006. – C. 359.

УДК 81

***З. Милошевич, С. Паунович***

## ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РОССИИ, БЕЛОРУССИИ И УКРАИНЫ В ЕЖЕДНЕВНОЙ СЕРБСКОЙ ГАЗЕТЕ «ПОЛИТИКА» В ПЕРИОД НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 2012 ГОДА

***Статья написана в рамках научного проекта «Демократический и национальный потенциал политических институција Сербии в процессе международной интеграции» (179 009), финансируемой Министерством образования и науки Республики Сербии***

В работе анализируются тексты старейшей сербской газеты «Политика» о России, Белоруссии и Украине. Авторы пришли к заключению, что Россия представлена многочисленными текстами, причем прослеживается тройной стереотип: с одной стороны, Россия – наиболее коррумпированная и криминализированная страна в мире, с другой – является «островом стабильности» и важным субъектом международной политики. О двух других славянских странах практически ничего не упоминается.